
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: В ПОИСКАХ СВОЕГО ПУТИ

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ВОЗМОЖЕН ЛИ РЫВОК В РАЗВИТИИ?

© 2019 г. П. Яковлев

*ЯКОВЛЕВ Петр Павлович, доктор экономических наук, профессор,
Институт Латинской Америки РАН, РФ, 115035 Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16;
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, РФ, 115054 Москва, Стремянный пер., 36
(petrp.yakovlev@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 18.01.2019.

В течение почти двух десятилетий Латинская Америка живет в условиях структурного кризиса различной интенсивности, суть которого заключается не только в сильных колебаниях темпов прироста ВВП и резких флуктуациях на товарных и финансовых рынках (в этом нет ничего принципиально нового). Этот кризис сопровождается глубокой трансформацией, охватившей экономику, политику, социальную сферу и область внешних связей стран региона. Данный процесс не носит устойчивого поступательного характера, он отмечен крутыми поворотами и застойными периодами, что ослабляет позиции региона в глобальной экономике. В последнее время в Латинской Америке активизировался поиск возможностей переломить эту ситуацию, чтобы выйти на траекторию стабильного роста.

Ключевые слова: Латинская Америка, структурный кризис, популизм, промышленная политика, США, Китай, международная конкуренция, стратегия роста.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-94-103

Так называемое золотое десятилетие (2003–2013 гг.) Латинской Америки, отмеченное сравнительно высокими темпами прироста ВВП, наращиванием объемов внешней торговли, расширением внутреннего рынка и повышением уровня жизни, ушло в историю, вытесненное годами рецессии, вялого экономического роста и ухудшения материального положения большинства населения. После провалов нелиберальных экспериментов 90-х годов потерпели неудачу и популистские проекты, определявшие матрицу общественного развития в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Никарагуа, Эквадоре и других странах региона в первые полтора десятилетия XXI в. Правившие режимы своей некомпетентностью загнали экономику в ступор и нанесли населению латиноамериканских республик тяжелые социальные травмы. К этим негативным явлениям следует добавить внутривнутриполитические потрясения, прежде всего громкие коррупционные скандалы и отстранение от власти действующих глав государств, острейший институциональный кризис в Венесуэле, а также усиление соперничества внешних сил в Латинской Америке и обострение противоречий между самими латиноамериканскими странами, что еще больше дестабилизирует обстановку.

Ситуация усугубляется еще и тем, что Латинская Америка (за некоторыми исключениями, лишь подтверждающими правило) не сумела извлечь из процесса глобализации максимум дивидендов, как это сделала Китай, Индия, Республика Корея, страны Юго-Восточной Азии, отдельные европейские государства, но при этом в полной

мере испытала на себе такие шоковые внешние эффекты, как перепады цен на мировых рынках сырья и продовольствия, финансовые катаклизмы, последствия торговых войн.

ПЯТЬ КРИЗИСОВ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

В последние годы драматический характер приобрело отставание Латинской Америки, включая почти все ее ведущие страны, по темпам экономического роста не только от основного массива развивающихся государств, но и от среднемировых показателей. Сухие статистические данные свидетельствуют о том, что латиноамериканский ВВП в 2014–2018 гг. по своей динамике уступал даже аналогичному показателю развитых государств, чего не было довольно давно (см. табл. 1). В особенно сложной ситуации оказались Аргентина и Бразилия, правившие режимы которых в экономическом смысле отбросили эти крупнейшие южноамериканские страны на десятилетие назад. В частности, бразильский ВВП в 2018 г., несмотря на некоторое увеличение в течение двух лет, все еще не достиг уровня 2010 г.

Базовым фактором, предопределяющим положение Латинской Америки в мире и состояние региональной экономики, является экстрактивный (исключающий) характер латиноамериканских институтов. Это, безусловно, — коренная причина исторического отставания региона от наиболее развитых государств, о чем писали многие маститые авторы [2].

Таблица 1. Динамика ВВП, %

Страны	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Мировой ВВП	3.5	3.6	3.5	3.3	3.7	3.7
Развитые государства	1.4	2.1	2.3	1.7	2.3	2.4
Развивающиеся страны	5.1	4.7	4.3	4.4	4.7	4.7
<i>Латинская Америка</i>	2.9	1.2	-0.2	-1.0	1.3	1.2
Аргентина	2.4	-2.5	2.7	-1.8	2.9	-2.6
Бразилия	3.0	0.5	-3.5	-3.5	1.0	1.4
Колумбия	4.6	4.7	3.0	2.0	1.8	2.8
Мексика	1.4	2.8	3.3	2.9	2.0	2.2
Чили	4.1	1.8	2.3	1.3	1.5	4.0

Источник: [1, pp. 152-157].

Данное обстоятельство роднит латиноамериканские республики с Россией и еще многими десятками стран мира, которые столетиями не могут изменить институциональную среду, перейти на устойчиво высокую траекторию социально-экономического развития и не способны радикально повысить уровень и качество жизни подавляющего большинства населения. Вместо этого государства с экстрактивными (по существу ущербными) институтами периодически меняют модели модернизации и с завидным постоянством срываются в кризисы [3].

Словом, действует так называемый эффект колеи — удержание страны на низкой траектории роста. Конечно, время от времени Латинская Америка стремится идти по пути прогресса, но регулярно сворачивает в другую сторону. Почему? Потому что в полную силу начинают действовать традиционные экстрактивные институты. Но это, так сказать, фактор перманентного действия. Особенность текущего момента состоит в том, что к указанным постоянным негативным факторам добавились кризисы конъюнктурного характера. В результате постоянные и временные отрицательные эффекты наложились друг на друга, и Латинская Америка оказалась зажатая в узком коридоре возможностей, оставленных региону макроэкономической политикой правящих популистских режимов и процессом глобализации в ее неолиберальном варианте [4].

Развитие экономики большинства латиноамериканских стран в середине второго десятилетия текущего века не оправдало ожиданий местного политического истеблишмента, международного экспертного сообщества, а главное — народов этих государств. На сегодняшний день можно говорить о пяти кризисах, сочетание которых вызвало в регионе настоящий шок и критически ослабило позиции Латинской Америки в глобальной экономике.

Первый кризис — провал экономической стратегии популизма, который в течение ряда лет определял магистральное направление развития. В из-

вестной мере политика популистских режимов подавила экономический рост, загнала ряд стран региона в ловушку неэффективности. В Венесуэле, например, добыча нефти (основа экономики) в 2009–2017 гг. сократилась с 3.2 до 2.1 млн барр. в сутки и продолжает падать, нанося громадный, непоправимый ущерб государственным финансам [5]. Основные проблемы — коррупция и грубые просчеты менеджмента, нередко вызванные прямым вмешательством в бизнес политического руководства, которое подчинило интересы комплексного развития страны задачам сиюминутного улучшения жизненного уровня неимущих слоев населения в интересах повышения престижа власти в чисто популистском духе. Иррациональное проникло в экономику и само стало экономической. В той же Венесуэле, по сути, был запущен процесс демодернизации в широком смысле слова. Несколько десятилетий назад венесуэльцы летали из Каракаса в Париж на сверхзвуковых лайнерах *Concorde*. Теперь тысячи граждан этой некогда одной из самых богатых стран Латинской Америки ежедневно, что называется, “на своих двоих” покидают разоренную кризисом родину, спасаясь в соседних государствах.

Второй кризис — резкое падение в 2014–2016 гг. цен на сырье на международных рынках и замедление глобального роста, в том числе торможение китайской экономики, к которой оказались привязаны латиноамериканские страны, прежде всего Бразилия. Обвал мировых цен на сырье властно напомнил о тех рисках, которые таит в себе модель экономического развития, основанная на экспорте природных ресурсов.

Третий — кризис интеграционных проектов. В полосе испытаний оказались почти все главные интеграционные группировки, хотя каждая из них “несчастлива по-своему”. В частности, в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле (*NAFTA*) в составе Мексики, Канады и США в результате проведенной реформы Вашингтону удалось существенно ослабить позиции Мексики. Боливарианский союз для народов нашей Америки — Народный торговый договор (*ALBA — TCP*) во главе с Венесуэлой и Кубой демонстрирует, мягко говоря, весьма скромные экономические достижения и, по заявлению кубинского лидера Мигеля Диаса-Канеля, превратился в “пространство концентрации левых движений” [6]. Общий рынок стран Южной Америки (*MERCOSUR*) — организация, в которую вошли Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай, а позже ее членом стала Венесуэла, не просто забуксовала, а превратилась в арену острого политического конфликта, в результате чего Каракас вышел из ее состава. Практически прекратил существование Союз южноамериканских наций (*UNASUR*), в создании которого в

2004 г. главную роль сыграли популистские режимы Аргентины и Венесуэлы. Теперь на обломках *UNASUR* правительства Колумбии и Чили пытаются учредить новое объединение либерального толка. Несколько в лучшем положении находится Тихоокеанский альянс (*Alianza del Pacifico*), объединивший Мексику, Колумбию, Перу и Чили. Но и в этом случае необходимы новые конкретные шаги по углублению и активизации торгово-экономического сотрудничества.

Четвертый кризис — *ослабление международных позиций латиноамериканских транснациональных корпораций*, так называемых мультилатинас, в первую очередь энергетических (*Petrobras, PDVSA, Petex* и других). Речь идет о падении уровня их капитализации, снижении трансграничной активности, а также о длинной череде коррупционных скандалов, нанесших тяжелый имиджевый урон этим компаниям. До середины 2010-х годов “мультилатинас” были на подъеме, активно участвовали в развитии интеграционных процессов на межкорпоративном уровне, стали претендовать на роль заметных игроков на глобальных инвестиционных рынках [7]. Во второй половине десятилетия ситуация изменилась: если в 2012 г. прямые зарубежные капиталовложения латиноамериканских стран составили порядка 42 млрд долл., то в 2016 г. этот показатель сократился в 4.5 раза и немногим превысил 9 млрд долл. [8, p. 186].

Пятый кризис — *“Эффект Трампа”, внешне-экономическая политика Белого дома*, в частности, упомянутая выше ревизия соглашения о *NAFTA*, а также протекционистские и санкционные меры в отношении Аргентины, Бразилии, Венесуэлы и некоторых других государств. В частности, аргентинские и бразильские металлурги понесли большие убытки в связи с повышением американских тарифов на импорт стали и алюминия, а Каракас основательно попал под каток финансово-экономических санкций Вашингтона и оказался

фактически отрезан от международных кредитных линий. Таким образом, приход во власть Дональда Трампа сломал прежние представления о сравнительной предсказуемости и преимущества политики Соединенных Штатов. На горизонте стало просматриваться ослабление стратегической связки Латинской Америки и США, возникли проблемы для дальнейшего развития структурированного торгово-экономического межамериканского партнерства.

Подобного рода кризисный багаж не мог не привести к заметному ослаблению позиций Латинскоамериканского региона в глобальной экономике.

ЭНДШПИЛЬ ПОПУЛИЗМА

Теперь более детально рассмотрим современное хозяйственное положение стран Латинской Америки с точки зрения результатов макроэкономической политики популистского толка.

Факты свидетельствуют о том, что развитие латиноамериканской экономики в ее региональном разрезе приобрело определенную ритмическую конфигурацию: периоды относительно быстрого роста (что происходило в 2003–2013 гг.) сменяются временами застоя и “топтанья на месте”. Как уже отмечалось, очередной застойный период пришелся на 2014–2018 гг., которые стали одними из наиболее трудных в послевоенной истории Латинской Америки. На это недвусмысленно указывает ухудшение основных макроэкономических показателей. В регионе снизились темпы прироста ВВП (вплоть до отрицательных величин в 2015 и 2016 гг.), сократился объем внешнеторгового оборота, до крайне низкого уровня — менее 18% ВВП — упали инвестиции в основной капитал, уменьшились прямые иностранные капиталовложения. В то же время увеличился бюджетный дефицит, возросла долговая нагрузка на экономику, “подскочила” инфляция, выросла безработица (см. табл. 2). Все это

Таблица 2. Латинская Америка: основные макроэкономические показатели

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Изменение ВВП, %	2.9	1.2	-0.2	-1.0	1.3	1.2
Инвестиции в основной капитал, % ВВП	21.2	20.7	19.7	19.0	17.9	17.9
Инфляция, %	5.0	6.3	7.9	7.3	5.6	7.0
Городская безработица, %	7.1	6.9	7.3	8.9	9.3	9.3
Суверенный долг, % ВВП	49.3	50.2	51.5	52.4	54.0	54.1
Внешний долг, млрд долл.	1512.9	1688.6	1699.4	1770.8	1873.2	1898.8
Счет текущих операций, млрд долл.	-164.1	-187.1	-176.9	-98.5	-88.3	—
Экспорт товаров, млрд долл.	1119.4	1087.9	927.7	896.5	961.2	—
Импорт товаров, млрд долл.	1116.7	1104.8	983.3	893.4	948.9	—
Прямые иностранные инвестиции, млрд долл.	179.7	170.6	169.2	139.7	151.3	—
Бюджетный дефицит, % ВВП	2.5	2.8	2.0	3.0	2.9	3.0

Источник: [9, p. 105, 108, 116, 134].

привело к заметному ухудшению материальных условий жизни большей части населения и повлекло за собой череду политических кризисов.

Можно с уверенностью утверждать, что непосредственные причины нынешней рецессии и ставших очевидными кризисных явлений вызревали в недрах популистских моделей социально-экономического развития, которые характеризовались грубыми макроэкономическими ошибками структурного характера. Фундаментальный пример — финансово-экономическая политика правительства Кристины Фернандес де Киршнер в Аргентине (2007–2015 гг.). На наш взгляд, именно в этот период аргентинские власти совершили просчеты, которые в той или иной степени были прищипки и другим режимам популистского толка.

Одной из кардинальных ошибок правительства было сохранение так называемой дисторсии цен (поддержание цен, не отражающих экономические реалии и противоречащих здравому смыслу). Например, бензин в Аргентине стоил в два раза дешевле, чем в соседних латиноамериканских государствах, а природный газ для бытового потребления в Буэнос-Айресе — в 13 раз меньше, чем в Чили и в 25 раз меньше, чем в Бразилии. Похожая картина наблюдалась в области общественного транспорта и снабжения электроэнергией. Это отрицательно сказывалось на рентабельности частного бизнеса, занятого в данных секторах, и заставляло государство наращивать объемы субсидий, что в конечном счете вело к нарушению бюджетного равновесия. Авторитетный эксперт Марио Бродерсон подчеркивал, что власть не исправляла даже очевидных макроэкономических промахов, придерживаясь стратегии “больше того же самого”, и определил правительственный курс как “шлепанье по грязи” (“muddling through”) [10].

Неизбежным вызовом для властей стало возникновение бюджетного дефицита — прямое следствие безудержного роста субсидий и других транзакций (бюджетные расходы в 2003–2012 гг. выросли в 8.5 раза: с 28 до 240 млрд долл.). Осложнение финансового положения подтолкнуло правительство К. Фернандес де Киршнер к принятию ряда весьма рискованных решений. В частности, отрицательные последствия повлекли за собой меры по жесткому валютному контролю, введенные в конце 2011 г. в целях ограничения утечки капитала из страны. Аргентинцы в одночасье лишились возможности свободно приобретать иностранную валюту, что моментально привело к возникновению “черного рынка” и нескольких обменных курсов. К 2015 г. “закрепились” два основных курса доллара — официальный, регулируемый Центральным банком, и параллельный — так

называемый dollar blue (на 1 июля 2015 г. — соответственно 9 и 13.5 песо за 1 долл.) [11, с. 18].

Между тем в результате экспансионистской кредитно-денежной политики и неблагоприятных изменений на мировых рынках (падения цен на товары аргентинского экспорта) Аргентина вступила в период аккумуляции структурных дисбалансов и финансовых проблем. Проявлением нараставших трудностей стало резкое торможение экономического роста. Как констатировали эксперты, произошел переход от “китайских темпов” развития к “японской депрессии” [12]. В сочетании с высокой инфляцией, реальные индексы которой оценивались в пределах 25–30% в год (в три раза выше официальных данных), стагнация превращалась в стагфляцию со всеми вытекающими из этого последствиями. В 2012–2015 гг. произошло падение ВВП, на 30% сократилась стоимость экспорта, выросли дефициты бюджета и счета текущих операций, на 18.2 процентных пункта ВВП увеличился суверенный долг, на 35% снизились валютные резервы и т.д. Международные эксперты отмечали, что аргентинская экономика “достигла дна” [13].

В условиях быстро нараставших кризисных явлений неотвратимо приближались очередные президентские выборы, назначенные на 25 октября (первый тур) и на 22 ноября (второй тур) 2015 г. Несмотря на наличие огромного административного ресурса, находившегося в руках кандидата от правящего режима, победу во втором туре одержал оппозиционер — выходец из предпринимательских кругов Маурисио Макри, 10 декабря 2015 г. занявший пост президента Аргентины [14].

Электоральная победа М. Макри стала знаковой, поскольку отодвинула от власти один из самых влиятельных и политически активных популистских режимов Латинской Америки. Вслед за этим властный пьедестал один за другим начали покидать латиноамериканские лидеры, большинство из которых (помимо неудач в экономической сфере) оказались замешаны в коррупционных скандалах и иных преступлениях. По странам региона в буквальном смысле прокатилась мощная волна разоблачений, импичментов и отставок.

Вот несколько показательных примеров. В Перу в июле 2016 г. президента-популиста индейского происхождения Ольянту Умалу сменил еще один представитель бизнес-сообщества Педро Пабло Кучински. (Заметим, что и сам П.П. Кучински из-за коррупционного скандала был вынужден покинуть пост главы государства.) В Бразилии в условиях глубокого экономического кризиса миллионы граждан одновременно вышли на улицы двух сотен городов с требованием отставки президента Дилмы Русефф, обвиненной в коррупции. 31 августа 2016 г. бразильский сенат проголосовал

за ее отстранение от должности по обвинению в “преступлениях в финансово-бюджетной сфере”. В 2017 г. Рафаэль Корреа, находившейся на посту президента Эквадора в течение десяти лет, решил не баллотироваться на новый срок и покинул страну. В июле 2018 г. эквадорский суд выдал ордер на его арест и распорядился внести экс-президента в красный список наиболее разыскиваемых лиц по линии Интерпола. Тень коррупционного скандала, в котором был замешан сын президента Чили Мишель Бачелет, омрачила в целом ее сравнительно успешное пребывание у власти [15].

Смена политического караула во многих ведущих латиноамериканских странах убедительно свидетельствовала о таких двух кардинальных вещах, как кризис управляемости по лекалам популизма и необходимость выдвижения альтернативной модели социально-экономического развития, способной вобрать в себя все конструктивное из исторического опыта и предложить новые подходы, сочетающиеся с магистральными глобальными и региональными трендами роста.

ПОИСК СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ

Глубокая озабоченность будущим Латинской Америки находит отражение в повышенной активности участников диалоговых площадок и интенсивной деятельности ведущих “мозговых центров”, занимающихся проблемами региона. В их числе — Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), Совет Америк, Андская корпорация развития (АКР) и многие другие. В частности, на ежегодном симпозиуме Совета Америк в ноябре 2018 г., прошедшем под лозунгом “Трансформируя Латинскую Америку: новые стратегии, новые лидеры, новые рынки”, речь шла о необходимости выдвижения инновационных идей, реализация которых способна создать благоприятные условия для социально-экономического прорыва [16].

Критически важное значение развития инноваций и (на этой основе) повышения продуктивности латиноамериканских предприятий было отмечено на конференции АКР, также состоявшейся в ноябре 2018 г. с участием 500 политических и экономических лидеров стран региона. Одновременно участники форума указали на необходимость внимательного изучения теоретических концепций и практических рекомендаций международных экспертов, формирующих основополагающие подходы к проблемам глобального развития [17].

Богатый фактический материал для размышлений содержался в аналитическом докладе ЭКЛАК “Экономические перспективы Латинской Аме-

рики — 2018. Переосмысливая роль институтов развития”, подготовленном совместно со специалистами АКР и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Авторы документа отмечают стремительный рост недоверия латиноамериканцев к государству и его институтам — 55% населения в 2010 г. и 75% — в 2017 г., а также подчеркивают трансцендентальную важность выстраивания нового типа партнерства по линии государство — граждане — бизнес [18].

Оставаясь на почве реальности и подводя итоги кризисным явлениям последних лет, латиноамериканские предприниматели, политики и экономисты признают, что ответы на стоящие перед регионом вызовы исключительно сложны, и выход на траекторию устойчивого роста может занять сравнительно долгий период времени. Но показателен тот факт, что в Латинской Америке происходит осмысление “новой реальности”, контуров посткризисного будущего, и на этой основе в региональном масштабе формируется актуальная повестка, определяющая новые стратегии развития. Выделим некоторые ее основные черты.

Во-первых, в Латинской Америке утвердилось понимание того, что на глобальном уровне произошла глубокая геополитическая трансформация в сторону многовекторного мироустройства. Данный процесс носит объективный характер и тесно связан с появлением новых международных игроков — Китая, России, Индии и др., всестороннее и равноуровневое взаимодействие с которыми заметно повышает политико-дипломатические и торгово-экономические шансы региона. Как отмечал известный эксперт Карлос Маламуд, ближайшее будущее латиноамериканских стран будет характеризоваться наличием разветвленной системы различных корпоративных объединений, межгосударственных группировок и альянсов, в том числе трансрегиональных [19].

Во-вторых, с учетом неудовлетворительных результатов шоковых нелиберальных реформ 90-х годов и популистских экспериментов последующего периода складываются новые представления о стратегии (модели) экономического роста, отвечающей коренным интересам латиноамериканских стран. На наш взгляд, эта модель неизбежно будет качественно отличаться от всех предыдущих, поскольку в ее основе должны лежать не волюнтаристские решения и “крутые реформы”, напрочь отвергающие накопленный опыт и “насилующие” экономику и социальную сферу, а четко выверенные точечные и селективные меры по устранению существующих диспропорций и препятствий на пути устойчивого развития. Разумеется, сказанное не исключает возможность и даже необходимость осуществления давно назревших институциональ-

ных и структурных реформ, но их проведение не может быть самоцелью, результатом стремления “до основания разрушить старый мир” и начать все сначала.

В-третьих, важным стратегическим ориентиром, по мнению латиноамериканских экспертов, должен стать принцип “делать больше с меньшими затратами” [20]. Другими словами, как говорил классик, “экономика должна быть экономной”. Для Латинской Америки этот тезис, часто вызывающий снисходительную улыбку своей тривиальностью, является весьма актуальным, поскольку регион традиционно испытывает острую нехватку финансовых ресурсов. Причем в последние шесть-семь лет положение заметно ухудшилось, поскольку произошло падение инвестиций в основной капитал и сократились прямые иностранные капиталовложения.

В-четвертых, фундаментальное значение для определения оптимальной экономической стратегии предстоящего периода может иметь выдвигание на первый план так называемой структурной (промышленной) политики — *política industrial* [21]. Эта концепция в последние годы стала очень популярной в Европейском союзе. Вполне пригодна она и для Латинской Америки. Речь, по существу, идет о взвешенном подходе к роли государства в экономике. Если неолиберальный курс, минимизировавший государственное участие в экономической деятельности, обернулся провалами рынка и тяжелыми социальными потерями, то политика популистов, поставившая во главу угла превратно понимаемые государственные интересы, демотивировала частный бизнес и завела экономику в тупик. Сейчас важно найти “золотую середину” — не связывать предпринимателей по рукам и ногам, не вытеснять их на экономическую обочину, но ориентировать государство на лучшую бизнес-среду и такое изменение структуры хозяйственной деятельности, которое обеспечит модернизационный прорыв и увеличение объема общественных благ.

В-пятых, эксперты достигли консенсуса в вопросе о том, что обновленная модель экономического роста Латинской Америки непременно будет носить инклюзивный характер. Другими словами, необходимо переломить тенденцию к маргинализации значительной части общества, к сохранению (а временами — увеличению) огромных ареалов бедности и нищеты. По данным ЭКЛАК, число латиноамериканцев, живущих в нищете (“экстремальной бедности”), в 2017 г. достигло 62 млн человек, или 10.2% населения региона, что является самым высоким показателем с 2002 г. [22, р. 21]. Разумеется, такое положение — труднопреодолимая преграда на пути устойчивого развития.

И последнее. Доминирующий в регионе стратегический концепт сводится к тому, что латиноамериканская экономика находится в точке бифуркации — критическом состоянии, при котором система становится неустойчивой, и возникает проблема: когда и при каких обстоятельствах, двигаясь к новому устойчивому режиму функционирования, данная система станет намного более стабильной. Лишь перейдя от экспортно-сырьевой экономики к высокотехнологичной, государства Латинской Америки смогут ощутимо ускорить хозяйственный рост и стать полновесными глобальными игроками. Для того, чтобы пойти по этому пути, правительствам региона придется предпринять энергичные усилия по выходу из нынешнего экономического и политического застоя как на национальном, так и региональном уровнях.

ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Оценки современного состояния и перспектив экономического развития латиноамериканских стран не будут полными без учета такого фактора, как международная борьба за региональные рынки. Латинская Америка всегда была объектом внешней экспансии: сначала со стороны европейских держав, потом (с момента провозглашения доктрины Монро в 1823 г.) — США.

Смещение в XXI в. центра мировой экономики и торговли, а затем и глобальной политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона детерминировало главный геоэкономический и геополитический сдвиг в международном положении латиноамериканских стран — поворот в сторону стремительно растущих азиатских (прежде всего китайского) рынков и расширение всего спектра отношений с государствами этой части земного шара [23]. Указанная тенденция отчетливо видна на примере значимых перемен в географической направленности латиноамериканского экспорта и импорта, в частности, радикальных изменений в соотношении удельного веса американского, европейского и китайского рынков во внешней торговле Латинской Америки. В период 2001–2017 гг. доля Соединенных Штатов в совокупном внешне-торговом обороте региона снизилась с 51 до 38%, Евросоюза — с 14 до 12%, тогда как доля Китая выросла с 2 до 13%. В абсолютных значениях американский экспорт в Латинскую Америку увеличился менее чем вдвое (со 168 до 321 млрд долл.), европейский — в 2.5 раза (с 55 до 139 млрд долл.), тогда как аналогичный китайский показатель возрос в 16 раз — с 8 до 130 млрд долл. (см. табл. 3).

В считанные годы КНР перехватила экономическую инициативу и заняла видное место во внешне-торговых связях целого ряда ведущих госу-

Таблица 3. Внешняя торговля стран Латинской Америки, товары, млрд долл.

Показатель	2001	Доля, %	2017	Доля, %
Экспорт	341	100	984	100
Экспорт в США	190	56	433	44
Экспорт в ЕС	42	12	106	11
Экспорт в КНР	7	2	127	13
Импорт	363	100	1011	100
Импорт из США	168	46	321	32
Импорт из ЕС	55	15	139	14
Импорт из КНР	8	2	130	13
Товарооборот	704	100	1995	100
Товарооборот с США	358	51	754	38
Товарооборот с ЕС	97	14	245	12
Товарооборот с КНР	15	2	257	13

Источник: [24].

дарств Латинской Америки – Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Мексики, Перу, Эквадора, Чили. С указанными странами Пекин установил отношения стратегического партнерства, благодаря чему китайско-латиноамериканское сотрудничество не ограничилось торговлей, а распространилось на все сферы экономической и финансовой деятельности. По экспертным оценкам (точные данные отсутствуют) по состоянию на 2017 г. накопленный объем прямых и портфельных инвестиций китайских компаний в регионе превысил 240 млрд долл., а по заявлению председателя КНР Си Цзиньпина этот показатель к 2025 г. должен возрасти еще на 250 млрд долл. [25, p. 96].

Особого размаха и глубины достигли отношения Китая с Аргентиной и Бразилией, причем взаимодействие Пекина с каждой из этих крупнейших южноамериканских стран имеет свою четко выраженную специфику. В частности, в Аргентине китайские предприятия добились крупных контрактов в сфере ядерной энергетики и стремятся захватить лидирующие позиции в этой высокотехнологичной отрасли. 17 мая 2017 г. в Пекине было подписано рамочное соглашение между *China National Nuclear Corp. (CNNC)* и *Nucleoeleétrica Argentina S.A.* о строительстве четвертой и пятой аргентинских АЭС. Стоимость проекта оценивается в 14–15 млрд долл., причем 85% финансирования берет на себя CNNC. Предполагается, что одна из станций мощностью 700 МВт на базе канадского тяжеловодного реактора *CANDU-6* будет построена в провинции Буэнос-Айрес, а другая АЭС с китайским легководным реактором третьего поколения “Хуалун-1” и мощностью 1150 МВт – в провинции Рио-Негро [26].

Бразилию Китай “намертво привязал” к себе многомиллиардными закупками важной для экономики этого южноамериканского гиганта сырьевой

и продовольственной продукции, а также энерго-ресурсов и отдельных видов промышленных товаров, включая высокотехнологичные (соя, железная руда, минеральное горючее, мясные продукты, гражданские самолеты, сталь, медь и т.д.). Бразильский товарный экспорт в Китай в 2001–2017 г. вырос в 25 раз: с 2 до 48 млрд долл. и достиг 22% от объема совокупного экспорта, что значительно превосходит объем вывоза бразильских товаров в США – 25 млрд долл. При этом Бразилия, в отличие от подавляющего большинства других стран мира, сохраняет крупный профицит в торговле с КНР, размер которого превышает 20 млрд долл. [24]

Характер стратегического партнерства приобрели китайско-венесуэльские отношения, что на фоне резкого обострения противоречий между Вашингтоном и Каракасом выглядит прямым вызовом США. Компании КНР инвестировали в венесуэльскую экономику десятки миллиардов долларов и создали совместные предприятия в целом ряде ключевых отраслей [27].

Подобные примеры (а их – великое множество) подтверждают вывод о том, что торгово-экономический и инвестиционный поворот Латинской Америки в сторону Китая – свершившийся факт, а с учетом высокой динамики китайских рынков отношения между КНР и регионом будут нарастать и в дальнейшем. Это – крупный геополитический сдвиг, бросающий серьезный вызов гегемонии Соединенных Штатов.

В середине сентября 2018 г. в ходе официального визита в Китай президента Венесуэлы Николаса Мадуро были подписаны 28 соглашений о сотрудничестве между двумя странами в ключевых секторах венесуэльской экономики и социальной сферы: нефтяной и горнорудной отраслях промышленности, технологиях, здравоохранении, общественной безопасности. Выступая на состоявшемся в Пекине заседании Смешанной двусторонней венесуэльско-китайской комиссии, Н. Мадуро отметил, что пакет новых соглашений “открывает путь к расширению деятельности созданных обеими странами совместных предприятий” [28]. В частности, такие компании, как *Sinovensa*, *Petrourica*, *Petrozumano* и другие, призваны сыграть заметную роль в разработке гигантских месторождений битуминозных песков “пояса Ориноко”.

Такого рода факты подтверждают серьезность намерений китайского руководства, бросившего вызов американскому доминированию к югу от Рио-Гранде, в том числе в Карибском бассейне. Сейчас, через пять с лишним десятилетий после Карибского кризиса 1962 г., этот район земного шара вновь становится зоной международного противостояния, пока – торгово-экономического и с иным составом игроков.

Каков ответ Вашингтона? США явно обеспокоены энергичными действиями Пекина на латиноамериканском направлении и не сидят, сложа руки. В арсенале ответных мер на китайское продвижение в регионе имеются как двусторонние, так и многосторонние инструменты. В первом случае речь идет, например, об усиливающемся давлении на Венесуэлу, стремлении взять страну в санкционные клещи, “наказать”, в том числе и за тесное сотрудничество с КНР. Что касается второго аспекта, то следует отметить, что в контексте многосторонних отношений безусловным успехом Д. Трампа стало реформирование *NAFTA*. Новое соглашение (*United States – Mexico – Canada Agreement, USMCA*), подписанное 1 декабря 2018 г. президентами США и Мексики и премьер-министром Канады, имеет явный геэкономический и геополитический подтекст. На это указывает включение в договор положения о том, что торговый альянс одного из партнеров с “государством нерыночной экономики” (разумеется, в первую очередь имелся в виду Китай) дает право двум другим участникам *USMCA* в течение шести месяцев выйти из соглашения и заключить двусторонний экономический пакт. Тем самым Вашингтон исключал возможность того, что в ответ на американские торговые санкции КНР может договориться о размещении производственных мощностей в Мексике или в Канаде и таким образом входить на рынок США с “черного хода” [29]. Международные эксперты считают, что американская администрация будет использовать данный подход при подготовке планируемых торговых соглашений с Европейским союзом и Японией. Стратегический замысел состоит в том, чтобы сформировать единый антикитайский экономический фронт [30].

Факты указывают на то, что в торгово-экономическом и финансовом отношении Латинская Америка оказывается все более “зажатой” между Соединенными Штатами и Китаем, на долю которых приходится свыше половины совокупного товарооборота латиноамериканских государств, а также основная часть поступающих в регион инвестиционных и кредитных ресурсов. Данное обстоятельство оказывает сильнейшее влияние на структуру и направленность внешнеэкономических связей в регионе. В обозримой перспективе одной из сложнейших проблем для стран Латинской Америки будет необходимость лавировать между США и КНР, которые втянулись в гибридную войну за доминирующие позиции в глобальной экономике и торговле. Не менее важными задачами являются диверсификация международных отношений и расширение

круга экономических и политических партнеров. Только подобный путь позволит ослабить гиперзависимость от Вашингтона и Пекина и нивелировать негативное воздействие санкций, протекционистской политики и торговых войн.

* * *

Перед латиноамериканскими элитами в социально-экономической области стоят во многом иные задачи, чем перед властями наиболее развитых государств. В этом заключается “латиноамериканская специфика”, которую необходимо постоянно учитывать. В отличие от Европы, где подъем популистских настроений до настоящего времени не оказал решающего негативного влияния на хозяйственные тренды, в Латинской Америке волна популизма буквально захлестнула экономику. Теперь латиноамериканцам приходится разгребать завалы, оставленные обанкротившимися популистскими режимами.

История Латинской Америки заходит на новый круг, в регионе накопился значительный потенциал перемен, созданы интеллектуальные предпосылки для того, чтобы сделать верные выводы из ошибок прошлого. Третье десятилетие XXI в. должно стать переломным в социально-экономическом развитии. Эти годы очертят контуры будущего региона в мировой хозяйственной и политической системе, определяют его роль в глобальных процессах. Латиноамериканским странам предстоит совершить социально-экономический рывок в крайне сложных внешних условиях, когда, с одной стороны, возводятся протекционистские барьеры и разгораются торговые войны, а с другой – с впечатляющей скоростью разрабатываются, осваиваются и выходят на международные рынки принципиально новые технологии, на глазах меняющиеся способы производства и механизмы потребления.

Таким образом, перед регионом стоит двойная задача: во-первых, реализовать внутренние возможности роста и модернизации, выйти на траекторию устойчивого развития; во-вторых, гибко и оперативно реагировать на меняющийся мировой контекст, эффективно к нему адаптироваться и стать активным участником глобальных процессов. Латинская Америка вступает в период жесткой борьбы за свое место под солнцем, главной ставкой в которой являются судьбы региона, а также содержание и результаты латиноамериканской модернизации. Но генеральная стратегическая линия борьбы еще окончательно не выбрана ни на национальном, ни на региональном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *IMF World Economic Outlook: Challenges to Steady Growth*. October 2018. Washington, 2018.
2. Fukuyama F. *Falling Behind. Explaining the Development Gap between Latin America and the United States*. London, Oxford University Press, 2008. 336 p.
3. Яковлев П.П. Что тормозит развитие Латинской Америки? *Латинская Америка*, 2017, № 5, сс. 97-103. [Yakovlev P.P. Chto tormozit razvitiye Latinskoi Ameriki? [What hampers the development of Latin America?] *Latinskaya Amerika*, 2017, no. 5, pp. 97-103.]
4. Яковлев П.П. Перед какими вызовами стоит Латинская Америка? *Латинская Америка*, 2017, № 1, сс. 5-21. [Yakovlev P.P. Pered kakimi vyzovami stoit Latinskaya Amerika? [What are the challenges that faces Latin America?] *Latinskaya Amerika*, 2017, no. 1, pp. 5-21.]
5. *BP Statistical Review of World Energy*. June 2018. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (accessed 12.01.2019).
6. *Díaz-Canel defiende ALBA-TCP como espacio de concertación de la izquierda latinoamericana*. 14 de diciembre de 2018. Available at: <http://albatcp.cubaminrex.cu/articulo/diaz-canel-defiende-alba-tcp-como-espacio-de-concertacion-de-la-izquierda-latinoamericana> (accessed 11.01.2019).
7. Яковлев П.П. “Мультилатинас”: трансграничный рывок латиноамериканского бизнеса. *Латинская Америка*, 2013, № 6, сс. 51-66. [Yakovlev P.P. “Multilatinas”: transgranichnyi ryvok latinoamerikanskogo biznesa [“Multilatinas”: transboundary jerk of Latin American business]. *Latinskaya Amerika*, 2013, no. 6, pp. 51-66.]
8. *UNCTAD. World Investment Report 2018. Investment and New Industrial Policies*. United Nations, New York and Geneva, 2018. P. 186.
9. *CEPAL. Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. 2018*. Naciones Unidas, Santiago, 2018.
10. *Argentina Macroeconomic Outlook*. Septiembre 2008. Available at: www.econometrica.com.ar (accessed 10.01.2019).
11. Яковлев П.П. Хроническая болезнь аргентинской экономики. *Латинская Америка*, 2018, № 10, с. 10-24. [Yakovlev P.P. Hronicheskaya bolezni' argentskoi ekonomiki [Chronic disease of the Argentine economy]. *Latinskaya Amerika*, 2018, no. 10, p. 10-24.]
12. Kanenguiser M. Advierten incipientes síntomas de recesión en la economía. *La Nación*. Buenos Aires, 15.05.2012.
13. *CEPAL. Estudio Económico de América Latina y el Caribe. 2016. Argentina*. Available at: <http://repositorio.cepal.org/> (accessed 07.01.2019).
14. Яковлева Н.М. Аргентина: переход к “старой норме”. Итоги президентских выборов 2015 г. *Латинская Америка*, 2016, № 2, сс. 35-49. [Yakovleva N.M. Argentina: perehod k “staroi norme”. Itogi prezidentskikh vyborov 2015 g. [Argentina: transit to the “old normal”. The results of the presidential election, 2015]. *Latinskaya Amerika*, 2016, no. 2, pp. 35-49.]
15. Яковлева Н.М. Латинская Америка: президентская власть и оппозиция в XXI веке. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2018, № 3, сс. 166-184. [Yakovleva N.M. Latinskaya Amerika: prezidentskaya vlast' i oppozitsiya v XXI veke [Latin America: Presidential Power and Opposition in XXI century]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 2018, no. 3, pp. 166-184.]
16. *Council of the Americas Symposium and BRAVO Business Awards*. November 2, 2018. Available at: <https://www.as-coa.org/council-americas-symposium-and-bravo-business-awards> (accessed 11.01.2019).
17. *No se lo pierda: CAF reúne a 500 líderes de América Latina para debatir sobre productividad y innovación*. 7 de Noviembre de 2018. Available at: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed 04.01.2019).
18. *OCDE/CAF/CEPAL. Perspectivas económicas de América Latina 2018. Repensando las instituciones para el desarrollo*. Paris, Éditions OCDE, 2018, pp. 19-20.
19. Malamud C. *La presencia global de América Latina*. 22.12.2014. Available at: <https://www.printfriendly.com/p/g/ULsUXa> (accessed: 11.01.2019)
20. Cuartero J.A. *Los retos de A. Latina en infraestructura para 2019: hacer más con menos*. 28 de diciembre de 2018. Available at: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed 10.01.2019).
21. Goya León D. *Política industrial: Qué es, por qué es necesaria, y su pasado, presente y futuro en Chile*. Mayo de 2014. Available at: https://mpira.ub.uni-muenchen.de/64881/1/MPRA_paper_64881.pdf (accessed 11.01.2019).
22. *CEPAL. Panorama Social de América Latina. 2018*. Santiago: Naciones Unidas, 2019.
23. Яковлев П.П. Геополитический разворот стран Латинской Америки. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 7, сс. 55-66. [Yakovlev P.P. Geopoliticheskii razvorot stran Latinskoi Ameriki [The geopolitical turn of Latin America]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 7, pp. 55-66.]
24. *ITC. Trade statistics for international business*. Available at: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1-076||156||TOTAL||2-1|1-1|2-1|1-1|1 (accessed 10.01.2019).
25. *CEPAL. Explorando nuevos espacios de cooperación entre América Latina y el Caribe y China*. Santiago: Naciones Unidas, 2018.
26. *Quinta Central Nuclear Argentina*. 6 Junio 2017. Available at: <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/> (accessed 23.10.2018).

27. Toro M. China y Venezuela firman 28 acuerdos de cooperación. *El Universal*, Caracas, 15.09.2018.
28. *Venezuela y China firman 28 nuevos acuerdos*. 14.09.2018. Available at: <http://www.americaeconomica.com/> (accessed 20.12.2018).
29. Яковлев П. П. USMCA: перезагрузка зоны свободной торговли в Северной Америке. *Латинская Америка*, 2018, № 12, сс. 6-16. [Yakovlev P.P. USMCA: perezagruzka zony svobodnoi trgovli v Severnoi Amerike [USMCA: restart of the zone of free trade in North America]. *Latinskaia Amerika*, 2018, no. 12, pp. 6-16.]
30. *Clausula en pacto USMCA disuadiría acuerdo comercial de China con Canadá y México*. 3 de Octubre de 2018. Available at: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed 07.12.2018).

LATIN AMERICA: IS A SPURT IN DEVELOPMENT POSSIBLE?

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no.3, pp. 94-103)

Received 18.01.2019.

Petr P. YAKOVLEV (petrp.yakovlev@yandex.ru),

Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, 21/16, B. Ordynka Str., Moscow 115035, Russian Federation;

Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stemyannyi Per., Moscow 115054, Russian Federation.

The so-called “golden decade” (2003–2013) in Latin America, marked by relatively high GDP growth, a build-up of foreign trade volume, expanding domestic market and rising living standards, rapidly became history thanks to years of recession, sluggish growth and deterioration of economic conditions for the majority of the population. After the failures of neo-liberal experiments of 1990s, the populist projects that established the matrix of social development in Argentina, Brazil, Venezuela, Nicaragua, Ecuador and other countries of the region in the first decade of the 21st century also failed. Those who ruled these regimes demonstrated incompetence which caused an economic stupor and a serious social trauma to people of the Latin American republics. To these negative phenomena there should be added the domestic political turmoil, particularly, loud corruption scandals and the removal of acting heads of State from power, as well as increased foreign competition in the region. In addition, on the outer perimeter, the complexity of the situation is compounded by the fact that Latin America (with a few exceptions confirming the rule) has not been able to receive a maximum dividend from the globalization process, as China, India, the Republic of Korea, South-East Asia and some European States did, but fully suffered the shock of external effects: drops of prices on world commodity and food markets, financial disasters, consequences of “trade wars”. For nearly two decades, Latin America has been living under conditions of structural crisis of varying intensity, the essence of which is characterized not only by strong fluctuations in the rate of GDP growth and sharp changes on commodity and financial markets, but also by a deep transformation that has engulfed the economy, politics, social sphere and the scope of external relations of the regional countries. However, the process of these changes is not of a steady character, is marked by bends and intermittent periods of stagnation, weakening the region’s position in the global economy. In an effort to reverse this situation and take the path of steady growth, the search for opportunities to give an impetus to the socio-economic development has intensified in Latin America.

Keywords: Latin America, structural crisis, populism, industrial policy, the United States, China, international competition, growth strategy.

About author:

Petr P. YAKOVLEV, Doctor of Economics, Head of Center, Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-94-103